

Борис Михайлович Бим-Бад, Сергей Назипович Гавров

Семья в эпоху модерна

Переход от традиционного к современному обществу драматичен как для общества в целом, так и для отдельного человека. Меняются почти все жизненные представления, система приоритетов, тип рациональности, психический склад личности, доминирующей в обществе.

Масштабность требуемых перемен столь велика, что их успешная реализация предполагает нечто большее, не ограничивающееся аутентичным переносом ценностей, отношения к миру, рациональности, социокультурных институтов. Следствием развития этих процессов стало то, что «общественное» не стремится больше колонизировать «частное». Теперь дело обстоит как раз наоборот: именно частное захватывает общественное пространство, выдавливая и выталкивая оттуда все, что не может быть полностью и без остатка переведено на язык частных интересов и целей [Бауман, 2002: 135].

Сказанное в полной мере относится к все более явственно артикулированной тенденции к признанию приоритетности интересов индивида над интересами любых макро- и микросоциальных групп, в том числе и по отношению к патриархальной семье.

Мы позволим себе привести известную точку зрения на эволюцию семьи в условиях упрочивающегося капитализма К. Маркса: «Новая форма семьи, новые условия в положении женщины и в воспитании подрастающих поколений подготовляются высшими формами современного капитализма: женский и детский труд, разложение патриархальной семьи капитализмом неизбежно приобретают в современном обществе самые ужасные, бедственные и отвратительные формы.

Но тем не менее крупная промышленность, отводя решающую роль в общественно организованном процессе производства, вне сферы домашнего очага, женщинам, подросткам и детям обоего пола, создает экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами» [Ленин В.И. Карл Маркс, 43-81].

Именно ориентация на личность или на коллектив, приоритет частных либо общественных (групповых) интересов во многом определяет различие в традиционном и современном обществах, а также различие в отношении человека к семье и семейным отношениям. Так, Т. Парсонс классифицирует и определяет это различие в нормах, ценностях и ориентациях, которым определяют поведение индивида следующим образом.

❖ Ориентация на себя: ожидание релевантных акторов, что для исполнителя рассматриваемой роли допустимо в данной ситуации отдать предпочтение своим собственным интересам любого мотивационного содержания и качества независимо от того, имеют ли они отношение к интересам и ценностям коллектива, членом которого он является, а также к интересам других акторов.

❖ Ориентация на коллектив: ожидание релевантных акторов; данный актер обязан как исполнитель данной роли принимать во внимание в первую очередь ценности и интересы коллектива, в котором он играет эту роль, являясь его членом. Если существует потенциальный конфликт с его собственными интересами, от него ожидается, что в данном выборе он отдаст

предпочтение интересам коллектива. Это применимо также и к его действию в репрезентативной роли в пользу данного коллектива [Парсонс, 2002: 504].

Мы полагаем, что человек модерна с течением времени все больше и больше ориентируется на себя, он становится личностью, чьи интересы приоритетны по отношению к любым социальным общностям. Основаниями, на которых базируется этот процесс, являются все более улучшающиеся условия жизни, в том числе радикальный рост потребления, уменьшение рабочего времени, рост оплаты труда, и что для нас особенно важно – повышение уровня образования и профессиональной подготовки человека, а также развитие частногосударственных программ социального обеспечения: пенсий по старости и инвалидности, лечение по системе медицинского страхования, уход за детьми, больными и престарелыми в специализированных учреждениях.

Таким образом, можно со всей уверенностью констатировать, что основную часть функций, которые выполняла патриархальная семья, взял на себя сам индивид, а также государство (государственное пенсионное обеспечение) и общество, в лице благотворительных организаций и бизнеса в социальной сфере.

Кроме того, оказались подорваны и экономические основы существования патриархальной семьи. В промышленности человек трудился в отрыве от семьи, этот труд уже не был семейным трудом, да и такого большого количества рабочих рук, как при семейном выполнении сельскохозяйственных работ, больше не требовалось. Еще более радикализировался этот процесс отказа от производственных функций семьи при переходе к постиндустриальному типу социальной организации. Суммируя сказанное, можно утверждать, что человек стал профессионально и экономически независим от семьи, он может столь же хорошо выполнять свои профессиональные функции, строить карьеру,

получать все большую оплату за свой труд независимо от своего семейного статуса, независимо от наличия или отсутствия семьи.

Кроме того, при всех сложностях и оговорках, которые часто сопровождают анализ этих тенденций, нельзя не признать, что современная семья существует на иных материальных основаниях, чем в рамках традиционного, доиндустриального общества, когда само понятие семьи было связано с наследством и репутацией.

Возможность хранить и приумножать собственность в рамках семьи есть одно из наиболее ценных и интересных качеств, ей принадлежащих; это качество является наиболее способствующим вечной сохранности самого общества. Оно ставит наши слабости на службу нашей добродетели, оно сообщает благотворность даже алчности. Обладатели фамильного богатства и того достоинства, какое имеет наследственная собственность (как самый почтенный вид собственности), являются естественным обеспечением ее передачи из поколения в поколение [Берк, 1992: 121-122].

А вот какую трактовку семейным формам наследования земли дает в книге «Демократия в Америке» Алекс де Токвиль. У тех народов, у которых закон о наследовании исходит из права первородства, земельные владения наиболее часто переходят от поколения к поколению, не подвергаясь дроблению. Таким образом, владение землей порождает фамильный дух. Семья – это земля, которой она владеет, земля – это семья; земля увековечивает фамилию рода, его происхождение, его славу, его могущество и его добродетели. Она является бессмертным свидетелем прошлого и ценным залогом будущего существования семьи, рода [Токвиль, 2000: 58].

Мы признаем, что и сегодня факторы наследования имущества и символического капитала играют важную, но уже не определяющую роль в процессе создания семьи, доминантность этих факторов несколько нивелирована, как и всего того, что связано с материальной стороной жизни семьи.

В то же время человек эпохи модерна пытается в рамках личной биографии разрешить трагическое противоречие между потенцией индивидуального разума и конечностью физического существования. И в качестве паллиатива для решения этой задачи вполне подходят различные трансвременные структуры, в большей или меньшей степени устойчивые к течению времени, более длительные в сравнении с индивидуальной продолжительностью человеческой жизни. Для решения этой задачи вполне подходит семья, где воспроизводятся новые поколения людей.

В качестве подтверждения сказанного обратимся к авторитету Э. Фромма, полагавшего, что если человек не принадлежит к какой-то общности, если его жизнь не приобретает какого-то смысла и направленности, то он чувствует себя пылинкой, ощущение собственной ничтожности его подавляет. Человек должен иметь возможность отнести себя к какой-то системе, которая бы направляла его жизнь и придавала ей смысл; в противном случае его переполняют сомнения, которые в конечном счете парализуют его способность действовать, а значит, и жить [Фромм, 1998: 197].

В контексте нашего дискурса важным представляется также процесс секуляризации, «обезбоживания» человеческой жизни. Мы знаем, что с началом Нового времени в Европе ускорился процесс десакрализации мира, часть функций, которые ранее безраздельно находились в ведении церкви, постепенно стали переходить к возникшему национальному государству.

Все более актуализуется возможность более свободного, чем раньше, выбора индивида, расширяются границы стереотипного поведения, облегчается распространение социокультурных инноваций, поскольку аргументы о божественном санкционировании всего вокруг, в том числе и социального порядка, макро- и микросоциальных институтов больше не действуют.

Если раньше, в условиях средневековой Европы до Реформации повседневная жизнь, поступки человека определяли его место в

вечности, то кальвинистская реформация Римско-католической церкви изменила эти представления о возможности спасения человека как ограничивающие полноту божественного суверенитета. Безысходность предопределенности человеческого места в вечности обесценила все усилия по соотношению повседневной жизни, человеческих дел и помыслов с трансцендентным, позволив человеку в конечном счете поступать так, как будто ничего разумного, находящегося могущественнее человека, просто не существует.

Это ощущение личностной свободы, прежде всего в повседневности, позволило реализовывать жизненный проект без необходимости как-то учитывать в своих действиях мир сверхъестественного, исходить из его возможного одобрения или осуждения. Секуляризация общества кроме всего прочего означала, что семья теряет сакральную, божественную легитимацию, браки больше не совершаются на небесах.

Это был болезненный процесс, на который остро реагировали современники событий, особенно социальные консерваторы. Так, например, певец русского империализма и монархии, политический консерватор К.Н. Леонтьев задавался вопросом о том, что такое семья вообще и русская семья в особенности, без христианской веры как основы своей легитимности; что такое семья, построенная на секулярных основаниях: «Семья? Но что ж такое семья без религии? Что такое русская семья без христианства?» [Леонтьев, 1996: 96].

Как и все многообразие окружающей человека социокультурной эмпирики, в том числе и облаченной в институционализированную форму, определение истинности и ложности событий, фактов, институций стало верифицируемо, подлежа подтверждению или опровержению эмпирическим путем. Именно в этот период истории возникающие инновации расширяют границы социально приемлемых жизненных практик. Отсутствие божественной предопределенности, стохастический фактор случайности «открывает» жизненную ситуацию, делает ее амбивалентной,

способной разрешится в результате творческой акции [Бауман, 2002: 194]. Появилась возможность выбора, возможность построения уникальной биографии, быть не как все.

В процессе развития постхристианской, секулярной цивилизации открывалось все больше альтернативных браку форм сожительства мужчин и женщин, а со временем обретенная свобода постепенно распространяется не только на гетеросексуальных, но и на гомосексуальных партнеров. Постепенно историческое ослабление социокультурных норм брачности делает вступление в брак действительно проблемой выбора одной из нескольких моделей жизни. Сегодня социологи отмечают, что растет процент людей, которые вообще не вступают в брак. Среди французов, родившихся около 1960 г., их число составляет уже 30%, тогда как до того на протяжении многих десятилетий оно составляло 10%.

Никогда, с тех пор как существует соответствующая статистика, не отмечалось столь высокого процента мужчин и женщин, которые не вступают в брак [Сокулер, Фести, 2001: 62].

На первый взгляд подобное положение вещей кажется удивительным, но, как мы уже заметили выше, сегодня человек, как мужчина, так и женщина, может быть столь же социально успешным, как в браке, так и вне его. Когда вступление в брак было жестко определено социокультурной традицией, когда в брак вступали практически все, само инструментальное изучение мотивов брака лишалось смысла и было фикцией, хотя, конечно, в разных стратах разные индивиды могли по-разному трактовать свое конформистское следование нормам [Антонов, 2005: 250].

Сегодня изучение семьи и брака таковой фикцией не является. Научные исследования позволяют обращаться к изменяющейся социокультурной эмпирике, разнообразным мотивационным особенностям все менее предсказуемого поведения индивидов.

Возвращаясь ко времени раннего европейского модерна, заметим, что тогда происходило разрушение простых, теплых, личностных

человеческих связей. Человек традиционных обществ, европейского Средневековья, не знал одиночества, имея смутные представления о частной, приватной жизни и праве на уединение. С рождения присутствовал аскриптивный статус, включенность в строго определенную социальную общность, где человек был своим по факту рождения, происхождения.

Семья и более широкие родственные группы оказывались очень важным инструментом для достижения их членами высокого положения в обществе и поддержания преемственности этих позиций на аскриптивной основе [Эйзенштадт, 1999: 196]. Но в современном обществе залогом социального успеха становится не столько социальное происхождение индивида, прежде определявшее его судьбу, сколько его личные достижения, обусловленные уровнем образования и степенью профессионализма.

Именно в эпоху модерна меняется традиционная предопределенность социального положения человека, которая заменяется его «принудительным и обязательным самоопределением» [Бауман, 2002: 182]. Происходит длительный, меняющийся мир процесс адаптации к имманентности индивидуального выбора и самоактуализации человека посредством этого выбора.

Изначальная семейная принадлежность, происхождение из различных социальных страт все меньше определяют социальный статус человека, личные устремления начинают превалировать над обязательствами перед любыми социальными группами, в том числе начинают доминировать над традиционными (патриархальными) семейными обязательствами.

Именно свободный и отрефлексированный выбор лежит сегодня в основе определения партнера по браку, выбора местности для будущей семейной жизни и профессиональной специализации индивида.

Уже в начале XX века известный российский правовед С.Н. Гессен писал о том, что новый человек воспринимает в первую очередь не Вселенную и не Бога, а себя, преходящую во времени личность; не целостность, а часть, осколок бренный. Он уже не чувствует себя всего-навсего точкой прохождения вечных сил, а видит себя в центре Вселенной [Шубарт, 2000: 49].

Человек новой эпохи все больше становится материалистом, он уже не верит в саму возможность посмертного существования и старается максимально продлить единственно известную ему форму жизни – жизни в земном человеческом теле. Отсюда и всепоглощающая забота о теле, здоровом образе жизни, правильном, рациональном питании, посещение оздоровительных центров, спортивных клубов. Именно в эпоху модерна тело впервые осознается как главная ценность, которой обладает человек.

Позволим себе несколько слов о теле, точнее, о биологически обусловленных различиях мужского и женского в теле. Итак, половые хромосомы (XX у женщин и XY у мужчин) не только обуславливают различное строение гениталий. Мужчины в среднем выше ростом, чем женщины; у мужчин больше мышечной и меньше жировой ткани, их грудная клетка шире.

У женщин более широк таз, по-другому устроены, как у многих млекопитающих, суставы бедер, женское тело более эффективно использует полученную из пищи энергию. Женщины выносливее мужчин. Прогресс цивилизации постепенно снижает ценность специфических мужских преимуществ (например, физической силы) и повышает ценность женских качеств.

Большая свобода выбора, возможность не следовать канонам, задаваемым социокультурной традицией, модульность человека модерна расширили границы сознания и используемых поведенческих моделей, раздвинули границы нормы, открыли путь для интенсивного инновационного развития, в том числе в сфере семьи и семейных отношений.

Несколько забегаая вперед, отметим, что процесс освобождения человека не завершился в эпоху модерна, начало нового этапа освобождения было обусловлено переходом к постиндустриальной экономике и связанной с ней новой форме социальной организации общества. Сегодня обществу более не нужны ни массовый промышленный труд, ни массовая, основанная на воинской обязанности армия. Эпоха, на протяжении которой фабрики и войска были основными институтами поддержания порядка (по крайней мере в нашей части земного шара), закончилась.

Но то же самое произошло и с всевидящей властью как главным средством социальной интеграции, и с нормативным регулированием как главной стратегией поддержания порядка. Большинство людей – как мужчин, так и женщин – объединены сегодня скорее благодаря обольщению, а не администрированию, рекламе, а не индоктринации; они нуждаются в творчестве, а не в нормативном регулировании. Большинство выросло и сформировалось в социальном и культурном отношении как искатели и коллекционеры чувственного опыта, а не как производители и солдаты [Бауман, 2002: 283].

Человек современной эпохи в определенной мере сохранил это живое человеческое участие и эмпатию в отношении членов своей первичной группы, но ему все больше приходится иметь дело преимущественно с бюрократическими, формальными, «безличностными» структурами, самому постепенно приобретая «модульный характер», встраиваясь в различные социальные, профессиональные, культурные группы, выбирая свою карьеру, жизненный путь, варианты самореализации, особенности гендерной идентичности, семейного и репродуктивного поведения.

Именно в рамках цивилизации модерна постепенно формировался новый тип человеческой личности, характеризуемой такими качествами, как открытость, диалогичность, суверенность, уважение к праву и свободе, как своей собственной, так и других людей, в том

числе и людей близких, своих партнеров по семейным отношениям. Трансформации в различных областях социальной жизни, в том числе и в сфере семейных отношений, легитимизации новых форм семьи во второй половине XX века наложились на более глубокие и длительные социокультурные трансформации, истоки которых восходят еще к цивилизации Античности. Их более явственная экспликация произошла на рубеже перехода от европейского Средневековья к Новому времени, великого исторического перехода от традиционного к современному обществу – обществу модерна.

Этот исторический переход привел и продолжает вести к ускорению и радикализации трансформаций традиционных семейных отношений, гибкости и многозначному, вариативному содержательному наполнению современных моделей семьи, все более полноценному и радикальному выделению индивида сначала из природного, а затем и из социального окружения, движению к формированию все более автономной личности.

Как же все это начиналось? Мы знаем, что возникновение новых семейных отношений начиная с конца XV века было отнюдь не единовременно и всеобъемлюще, поскольку вплоть до XVIII века оно не оказывало серьезного влияния на уклад общественной жизни. Более того, новые семейные отношения, служащие большему раскрепощению, освобождению человека, были преимущественно распространены среди обеспеченных слоев населения – дворянства, городского и сельского, высшего нобилитета, нарождающейся буржуазии, в меньшей мере среди ремесленников и торговцев. Начиная с XVIII века новые семейные отношения, оставляющие большее пространство личной свободы для индивида, начинают распространяться на все сословия, в определенной мере приобретая черты нормативности в ареале западноевропейской цивилизации.

Уже в конце XVIII века наблюдатели констатируют в Англии изменение в семейных отношениях. Работники стремятся устроить собственное жилье вместо того чтобы поселиться у работодателя, а

закат практического обучения в этой области позволяет заключать более ранние браки, а значит, благотворно влияет на появление более многочисленных семей. «Длительная отсрочка женитьбы, раннее начало трудовой деятельности, жилищные проблемы, живучесть традиций обучения в людях – все это препятствия идеальному способу существования в буржуазной семье, постепенно разрушенные эволюцией нравов. Семейная жизнь распространилась отныне во всем обществе и мало кто теперь помнит о ее аристократическом и буржуазном происхождении» [Аръес, 1999: 404].

Мы вполне признаем всю сложность и тернистость пути, пройденного человечеством за последние несколько веков в процессе эмансипации личности, ее большей рациональности и автономности от природы и общества, амбивалентности и сложности многих социальных макро- и микропроцессов.

В эпоху европейского модерна получило достаточное распространение представление о том, что личность имеет собственные, отличные от интересов группы, интересы. Посредством активной автономной деятельности индивид способен отстаивать эти интересы наиболее эффективным образом. Общество при таком подходе рассматривается как совокупность индивидов, когда общественные интересы являются производными от частных. И лучшим постепенно стало считаться общество, которое в наибольшей степени позволяет индивидам свободно реализовать их частные интересы.

Но при всей неоднозначности этих процессов нельзя не признать, что семья и брак переживали и продолжают переживать фундаментальные перемены в направлении, которое ряд исследователей определяют как историческое движение в направлении от патриархальности > консерватизму > либерализму > модернизму, что в конце пути может привести к новому матриархату. Мы знаем, что само название «матриархат» в исторической науке

получила та первая устойчивая форма социально-экономической организации, характерной чертой которой является господствующее положение женщины в первобытном родовом обществе. Матриархат (от лат. mater – мать и греч. arche – начало, власть) буквально означает «материнская власть».

Сегодня радикальные феминистки утверждают, что только исчезновение патриархата и разрушение мужского контроля (дискриминации) способно освободить женщин.

Феминистки полагают, что «все начинается от оскорбления на улице до невинной шуточки, которую отпускает по твоему поводу муж, от меньшей заработной платы за равный труд с мужчиной до пошлых телевизионных передач, изобилующих сексуальной лирикой, от розовых и голубых одеялок, в какие в больнице заворачивают младенцев, до преисполненных мужского превосходства речей революционеров-мужчин. Все это наполняет твой болезненно сжимающийся мозг, и он не может от этого избавиться. Ты начинаешь осознавать, что же на самом деле представляет собой сексизм? Это – дискриминация одной половины человеческих существ другой половиной» [Шибарина, 1989: 322-323].

Что же делать, каким образом можно избавиться от патриархата? Очевидно, что это задача не из легких. Очевидно, что необходимо начинать с уничтожения гендера, особенно полового статуса, роли, темперамента и социальных конструктов, которые были сформированы в условиях патриархата [Эллиот, Менделл, 2001: 106].

Для нас важно и то, что матриархат уже был в истории человечества. Существует несколько убедительных доказательств того, что патриархальное общество, как оно было представлено в Китае и Индии, в Европе и Америке на протяжении прошедших пяти-шести тысячелетий не является единственной формой, в которой оба пола организовали свою совместную жизнь. Многое свидетельствует о том, что если не везде, то во многих местах патриархальные общества, в которых власть принадлежала мужчинам, уступали место

матриархальным. Это выражалось в том, что женщины и матери были опорой семьи и общества. Женщина занимала господствующее положение в общественной и семейной жизни [Фромм, 1998: 114].

Мы полагаем, что трансформация семьи и семейных отношений в рамках западной по своей генеалогии цивилизации модерна неразрывно связана с процессом женской эмансипации. Так, выдающаяся американская феминистка и общественный деятель Элизабет Кэди Стенсон, борясь за гражданские права женщин и изменения гендерных ролей в рамках современной ей американской семьи, обосновала свои требования следующим образом.

Самая веская причина требования, чтобы женщине был предоставлен голос в правительстве, под властью которого она живет, и в религии, в которую она должна верить, чтобы ей было обеспечено равенство в общественной жизни, где она является главным фактором, и доступ к профессиям, чтобы она зарабатывала себе на хлеб, заключается в том, что от рождения она имеет право на свой суверенитет, что как индивид она должна полагаться на собственное Я.

Ровным счетом ничего не значит, насколько сильно желание женщины опереться на кого-либо, быть защищенной и обеспеченной, ровным счетом ничего не значит, насколько сильно желание мужчины, чтобы она так поступала, женщина должна проходить свой жизненный путь в одиночку [Майроф, 2000: 182].

Иными словами, женщина должна стать более автономной личностью, все более выделяясь из своего природного и социального окружения. В течение этого длительного макросоциального процесса меняется содержательное наполнение гендерных ролей, которые предписываются обществом как мужчине, так и женщине, меняется роль человека в семье.

Заметим, что несмотря на преимущественно социокультурную обусловленность наблюдаемых сегодня изменений в содержательном наполнении гендерных ролей, которые играют

женщины и мужчины, сама возможность этих трансформаций обусловлена также социобиологически, поскольку мужчина имеет не только собственно мужские гормоны, но и женские, а женщина мужские. Кроме того, по свидетельству классиков европейской психологии и психотерапии, эти изменения имеют под собой вполне определенные психологические основания. Так, К.Г. Юнг выделяет женское начало в мужской психике и мужское начало в психике женской. Он утверждает, что анима [Юнг, 1997: 174] является олицетворением всех проявлений женственного в психике мужчины, а олицетворением мужского начала в женском подсознании является анимус [Юнг, 1997: 187]. Женское и мужское становится все более амбивалентным, постепенно теряя железобетонный статус нормы: «Женское замещает мужское, но это не значит, что один пол занимает место другого по логике структурной инверсии. Замещение женским означает конец определимого представления пола, перевод во взвешенное состояние закона полового различия» [Бодрийяр, 2000: 32].

Однако некоторые специалисты в области социологии семейных отношений сдержанно относятся к изменению содержательного наполнения гендерных ролей мужчины и женщины, в том числе и их семейных ролей, полагают, что речь скорее идет о снятии нормативных запретов и ограничений, что позволяет проявиться индивидуальным свойствам, не обязательно связанным с полом. Половые различия при этом не столько исчезают, сколько становятся менее обязательными и более тонкими [Кон, 2001: 35].

А Т. Парсонс задает вопрос об инстинктивных, биологических основах существования семьи, и отвечает на него. Остается открытым вопрос, насколько глубоки инстинктивные основы человеческой семьи.

Однако, по-видимому, существует очень мощный комплекс сил на уровне действия, который стремится упрочить уже возникшую семью. Существенно также, что условия социализации внутри

единицы родства подготавливают ребенка к принятию им на себя либо материнской, либо отцовской роли на соответствующей стадии его собственной жизни. Это все никоим образом не отвечает на вопрос о возможности разрушения этого основного комплекса социальных структур и мотивирующих человека сил.

У нас нет достаточных знаний для того, чтобы сказать нечто конкретное о том, какие условия необходимы, чтобы комплекс этот мог быть нарушен, и каковы будут результаты такого нарушения для социальной структуры и личности. Но, несмотря на огромное разнообразие, которое дает структура родства сама по себе, и на исключительное значение этого разнообразия, устойчивость комплекса родства во всех разновидностях социальных структур, различающихся другими аспектами, указывает на мощную комбинацию сил, действующих в направлении сохранения этой структуры [Парсонс, 2002: 247].

Т. Парсонс также полагает, что традиционная дифференциация половых ролей скорее позитивна, поскольку ведет к специализации мужчины и женщины в рамках семьи: мужчина выполняет инструментальную роль, то есть поддерживает в основном финансовую связь семьи с внешним миром, женщина выполняет экспрессивную роль, значение которой заключается в регулировании взаимоотношений внутри семьи [Чернова, 2001: 65].

В процессе как обыденного, так и научного рассмотрения эволюции семьи и семейных отношений в Европе в период модерна и постепенного перехода к постмодерну проявляется специфическая абберрация исследовательского взгляда на рассматриваемые процессы эмансипации личности. Чаще и охотнее всего говорится об изменении роли женщины, ее ускоренной эмансипации. Да, женская эмансипация в обществе вообще и в рамках семьи в частности действительно имеет место, и мы вполне солидарны с усилиями по дальнейшей эмансипации женщины. Мы также солидарны с позицией Ф. Энгельса, который с одобрением отметил суждение Ш.

Фурье о том, что «в каждом данном обществе степень эмансипации женщины есть естественное мерило общей эмансипации» [Энгельс, 117].

Но для нас не менее важным является и параллельный, возможно не столь наглядный и яркий, процесс эмансипации мужчины. Еще в 1970 г. Д. Сойер писал о том, что мужское освобождение стремится помочь разрушить поло-ролевые стереотипы, рассматривающие «мужское бытие» и «женское бытие» как статусы, которые должны быть достигнуты с помощью соответствующего поведения... Мужчины не могут ни свободно играть, ни свободно плакать, ни быть нежными, ни проявлять слабость, потому что эти свойства фемининные, а не маскулинные [Кон, 2001: 35].

Аналогичного мнения придерживается и П. Бурдье, который полагает, что мужская привилегия оказывается таким образом ловушкой, обрекающей на постоянное напряжение и постоянное, иногда доходящее до абсурда, усилие ...в любой ситуации доказывать свою мужественность, включающую сексуальную и социальную продуктивность, а также постоянную готовность к борьбе и применению насилия [Сокулер, 2003: 48].

Новое представление о возможностях и границах проявления мужского и женского включает в себя амбивалентность в оценке как мужчин, так и женщин. Представители обоих полов могут быть как сильными, так и слабыми, как активными, так и пассивными. Новизна подхода к человеку как таковому заключается в том, что определенные конфигурации человеческих свойств уже не принадлежат исключительно одному полу. Мы эволюционируем в своих взглядах на роль мужчины и на роль женщины, мы далеко ушли от тех взглядов, которые были характерны даже для самых талантливых и демократически настроенных авторов прошлых эпох.

В качестве характерного примера можно вспомнить взгляды А. де Токвиля, изложенные в его знаменитой книге «Демократия в Америке». В Европе имеются люди, которые, путаясь в различных

особенностях полов, заявляют о возможности установления между мужчиной и женщиной не только равенства, но и тождества. Они наделяют обоих одними и теми же функциями и правами, возлагая на них одни и те же обязанности; они хотят, чтобы мужчины и женщины сообща трудились, развлекались, занимались делами. Легко можно понять, что, пытаясь подобным образом уравнивать между собой два пола, мы приходим к их обоюдной деградации, ибо из подобного грубого смещения столь различных творений природы никогда ничего не выйдет, кроме слабых мужчин и неприличных женщин [Токвиль, 2000: 435].

Суммируя позицию А. де Токвиля, защищающего элементы традиционной гендерной роли женщины, изложим основные пункты его аргументации:

❖ женщина, занимающаяся семейными делами, поступает в соответствии с природой и моральными принципами, потому что дом – это место, где господствуют согласие и спокойствие, в отличие от эгоизма и аморальности, царящих в сфере наемного труда и общественной деятельности. Кроме того, в профессиональной сфере господствуют элементы соревновательности и жесткой социальной борьбы, содержание которой заключается в достижении успеха, иногда любой ценой;

❖ роль женщины в семье – это роль служения, семья является убежищем от поражений и неудач, полученных в обществе, тихая защитная гавань;

❖ женское служение семье и дому позволяет ей воспитывать детей, прививая им основные моральные ценности, воспитывая их настоящими американцами [Токвиль, 2000: 425-436].

Сегодня «слабыми мужчинами и неприличными женщинами», которыми пугал современников А. де Токвиль, никого удивить невозможно, длительный макропроцесс освобождения человека из природного и социального окружения, в том числе выделение индивидуальных интересов и их приоритетность над любыми

групповыми интересами, предполагает эмансипацию всех участников процесса: мужчин, женщин и детей.

Но любой процесс несет в себе как потенциальные плюсы, так и потенциальные и реальные минусы, издержки сопутствуют достижениям. «В эпоху переоценки ценностей и пересмотра исторически сложившихся привычек никакая норма человеческого поведения не может быть принята как данное, и ничто долго не остается неоспоримым.

Погоня за удовольствием пронизана страхом, на укоренившиеся формы социального опыта смотрят с подозрением, в то время как новых, особенно тех, которые были бы признаны общепринятыми, еще нет в достаточном количестве, и они не торопятся появляться [Бауман, 2002: 298].

Один из основателей чикагской социологической школы Э. Берджесс полагает, что «нестабильность семейных отношений, несоответствие образцов семейного поведения принятым в обществе нормам и ценностям свидетельствуют о процессе качественного социального изменения; стабилизация внешних и внутренних функций семьи связывается с окончанием процесса социального изменения и социальной дезорганизации. Сегодня общество в странах христианской/постхристианской цивилизации постепенно переходит к постиндустриальному типу социальной организации, это сложный и болезненный процесс освобождения от регламентации, тюрьмы и казармы индустриальной эпохи [Фуко, 1997: 576].

Теперь представим некоторые характеристики амбивалентной ситуации, сложившейся в сфере семьи и семейных отношений на примере Североамериканских Соединенных Штатов конца XX века. Рассматривая современное состояние и перспективы трансформации американской семьи и семейных отношений, известный социолог и футуролог Д. Коатс дает следующие характеристики наличного и возможного в будущем положении вещей в этой сфере жизни.

Итак, рассмотрим некоторые обобщенные характеристики семьи и семейных отношений в конце XX века на примере США.

❖ Многие пары сожительствуют без заключения брака. В 1988 году 1/3 всех женщин США в возрасте от 15 до 44 лет имели такого рода отношения со своими партнерами.

❖ Нормой становятся смешанные семьи. Смешанные семьи – это результат развода родителей, которые вступают в новый брак, но поддерживают отношения со своим прежним партнером и его новой семьей или соединяют под одной крышей детей от разных браков. Около 16% детей, живущих в полной семье, имели второго неродного родителя.

❖ Изменение социальных отношений приводит к созданию семей нового типа. Они могут включать в себя приемных детей, подобранных с учетом определенных наследственных признаков, детей от суррогатных родителей и в будущем, возможно, детей, полученных от клонированных эмбрионов.

❖ Гомосексуальные семьи являются результатом открытости общества. Общественное признание сделало семейную жизнь доступной для людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией.

❖ Группы, живущие в половой близости или без нее, – это своего рода переходное состояние для все большего числа людей, избравших такой способ жизни как альтернативу одиночеству.

❖ Для всех социальных слоев становится все более характерным наличие семей с одним родителем... Часть семей с одним родителем – это результат того, что родители развелись или разошлись.

❖ Уровень разводов, составлявший менее 10% замужних женщин от 15 лет и старше в интервале с 1953 до 1964 г., затем увеличился до 23% в 1978 г. и удерживается на уровне 20–21% в последние 10 лет.

❖ Приверженность браку сохраняется, о чем свидетельствует тот факт, что большая часть переживших развод снова вступают в брак. Треть всех браков в 1988 г. были повторными для одного или обоих партнеров. Между разводом и новым браком при этом проходило в среднем около двух с половиной лет.

❖ Непродолжительность семейной жизни во многих случаях ведет к серийным бракам. Есть люди, которые имеют 3, 4 или 5 бывших супругов, при этом ни разу не пережив вдовства. Похоже, что общество смирилось [Лауретис, 2001: 25] с моделью, предполагающей более поздний брак, раннюю половую жизнь вне брака и тщательный выбор супруга.

❖ Рост продолжительности жизни свидетельствует о том, что родители ведут полноценную жизнь и после того, как завершается процесс воспитания детей. В то же время увеличение срока жизни сопровождается таким явлением, как кризис общения: один супруг, умирая раньше другого, оставляет его в одиночестве.

❖ Сексуальное поведение все более отделяется от репродуктивной функции благодаря как новым знаниям об особенностях репродуктивного цикла женщины, так и контрацептивам.

❖ Новые формы труда и досуга учащают случаи, когда некоторые члены семьи практикуют такие виды деятельности, которые чужды другим ее членам. Это приводит к конфликту интересов – чаще, чем к одобрению и поддержке семьи. Как результат – под все большей угрозой находится такая функция семьи, как общение.

❖ Телевидение и пресса создают представление о стиле жизни, влияющее на те надежды, которые люди возлагают друг на друга, а также на роль семьи в целом.

❖ Анонимность жизни в крупных городах исключает многие формы социального давления на семью. Здесь нет

всезнающих и все видящих соседей. Это оказывает влияние на изменение поведения членов семьи.

❖ Чем старше дети в семье, тем чаще ее члены ищут новых форм общения вне семьи. Одна из наиболее популярных – общение через Интернет. Школа, государственные и негосударственные учреждения все в большей степени берут на себя выполнение тех функций, которые ранее были свойственны прежде всего семье: забота о здоровье, воспитание детей, забота о престарелых, материальное обеспечение безработных и т.п.

❖ Наблюдается дальнейший рост популярности групп, в которых люди объединяются по интересам. Участие в работе таких групп помогает человеку решить многие свои проблемы и найти новые формы внесемейного общения.

❖ Предпочтение все чаще отдается тем формам сексуального общения, которые не имеют своим следствием деторождение. Растущий доступ к информации о здоровом и безопасном сексе позволяет людям, включая очень молодых и очень старых, заниматься сексом без опасений.

❖ Наиболее значимая тенденция – увеличение числа семей, где оба супруга работают.

❖ 65% женщин США, имеющих детей до 18 лет, работают. В Дании эта цифра составляет 86%, а в Швеции – 89%. Среди женщин, имеющих детей до 3 лет, в США работает 53%, в Дании – 84%, в Швеции – 86%.

❖ Женщины вступают в брак и рожают первого ребенка во все более зрелом возрасте. Они откладывают создание семьи до тех пор, пока не получают образования и не найдут свою первую работу. В 1988 году средний возраст первородящих матерей составлял 26 лет, самый зрелый возраст за всю историю США.

❖ Увеличение числа семей, где оба супруга работают, позволяет значительно повысить средний доход семьи.

❖ В такой семье оба кормильца имеют больше возможностей для бизнес-инициативы или карьеры.

❖ Женщина, занятая на работе, мало бывает дома, ее редко можно увидеть в магазине, у соседей и т.п. В будущем, например, днем в магазине можно будет встретить только очень пожилых людей, маленьких детей с матерями или нянями и подростков.

❖ В перспективе ожидается усиление маскулинизации домашнего хозяйства. Развитие телекоммуникаций позволяет одному или обоим работающим супругам выполнять свою работу, находясь дома. Многие мужчины используют эту возможность, чтобы быть более полезными своей семье: готовить, убирать, отводить детей на занятия. Мужчины имеют также возможность более активно включаться в такие инициативы, как соседские группы по предотвращению преступности, которые приносят непосредственную пользу их собственным семьям.

❖ Стиль жизни «работающих семей» сказывается на их пристрастиях в еде, развлечениях, покупках и т.п. Многие семьи согласны платить за те удобства, которые раньше обеспечивались личным трудом.

❖ Семья и брак станут разновидностью бизнеса. Семья все больше и больше будет превращаться в интегрированное бизнес-объединение, в интересах которого работают оба партнера. Развод в этой ситуации будет рассматриваться как простое прекращение партнерства и разрыв деловых отношений.

❖ Ожидается также активизация подросткового секса. При этом подростки, подражая родителям, будут всячески стремиться избежать беременности.

❖ Фирмы будут предоставлять своим сотрудникам возможность обучиться экономике и менеджменту домашнего хозяйства, а также консультироваться по поводу семейного права и разводов.

❖ Движение в защиту семьи приобретет новое направление. Одной из наиболее существенных причин разводов в США является то, что ни школа, ни церковь, ни скаутские организации не учат тому, что значит состоять в браке. Стремление укрепить семью должно быть обеспечено соответствующими средствами, необходимыми для такого укрепления. Именно на этом общество должно сосредоточить свое внимание в ближайшие десять лет.

❖ Новое движение в защиту семьи поддержит новые, более эффективные формы сватовства, точно так же, как более совершенные формы обучения жизни в браке [Коатс, 2000: 452-455].

Мы вполне осознаем, и это подтверждают данные различных социологических исследований, что степень и темпы изменения формы организации семьи и гендерного порядка очень неравномерны – в разных странах; в разных социально-экономических слоях; в разных социально-возрастных группах. Так, в конце прошлого века в США сложилась ситуация, при которой 87% людей живут в нуклеарных семьях. Из них 77% живут в семье с двумя партнерами (муж-жена), 10% – неполные семьи, 7% – одинокие люди, 6% поддерживают другие формы отношений. Разрыв в возрасте между супругами, как правило, составляет 2–3 года. Средний возраст вступления в первый брак у мужчин – 24 года, у женщин – 22 года.

Мы знаем, что в эпоху модерна произошла великая демографическая революция, включившая в себя так называемые первый и второй демографический переход, – революция, которая была частью освобождения женщины от служения церкви, кухне и детям.

Переход к сознательному контролю воспроизводства – это, прежде всего, революция, осуществленная женщинами. В рамках этого эволюционного сдвига женщины произвели тройную революцию – против церкви, против государственной власти и против мужчин.

Они освободились от навязанного им удела и обязанностей принудительного деторождения.

Революционный документ «Всеобщая декларация прав человека», принятый 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН, гласил, что «совершеннолетние мужчины и женщины, независимо от расовой, национальной и религиозной принадлежности, имеют право вступать в брак и создавать семью. Последнее означает право свободно решать вопрос о продолжении или непродолжении рода. Принцип репродуктивной свободы предполагает также право на то, чтобы не иметь ребенка, включая право на использование контрацептивов и право на аборт» [Летов, Стронгк, 2000: 81-82].

О направлении, в котором развивается современная семья, свидетельствует состав домашнего хозяйства в ФРГ: все больше людей живут одни. Доля домашних хозяйств из одного человека составляет ныне более четверти (30%). В 1900 году приблизительно 44% всех частных домашних хозяйств включали по 5 и более человек. В 1981 году соответствующая цифра составляла лишь около 9% [Бек, 2000: 150]. Заметим, что данные тенденции характерны не только для Германии, но и для Франции, практически для всей Западной Европы, при этом в Швеции они даже более выражены, чем во Франции. Доля людей, вообще не вступающих в брак, достигает там 40%. В это же время в Северной Европе наблюдается существенное уменьшение числа заключаемых браков [Фести, 2001: 63].

Демографическая революция, радикальное уменьшение детности является благом как для женщины [Бек, 2000: 150], так и для человечества в целом. Несмотря на то, что процесс ограничения рождаемости приобретает все большую масштабность и радикальность, уменьшая общую численность населения, столь же радикально возрастает его человеческое качество, в том числе уровень образования, доходов, возможность свободно передвигаться по миру, получать любую информацию. Это, безусловно, позитивный процесс, вектор, по которому развивается человечество. В авангарде

этого процесса идет человек, социализированный и инкультурированный в рамках христианской/постхристианской цивилизации, в арьергарде этого мегапроцесса человек, относящий себя к исламской цивилизации и мусульманской культуре.

Лыбопытна позиция знаменитого итальянского философа и психолога А. Менегетти. Женщина должна думать о своём будущем с эгоистических, индивидуалистических позиций, определить свое место, быть уверенной в себе и свободной, иметь деньги и всё то, что позволит ей наилучшим образом жить в этом мире. Женщина, конечно, может обзавестись семьёй, родить детей и подготовить их к социальной жизни, но она должна учесть, что дети отнимут у нее, как минимум, от двух до пяти лет жизни.

Если женщина сумеет сохранить себя в прекрасной форме, то и в сорок пять лет она способна заняться карьерой, поступить в университет или научиться какой-либо профессии. Важно понять, что семья – это не всё, не наивысшее жизненное достижение, а лишь одна из множества игр. Головокружительный успех женщин, которые оставили след в истории, – святых, королей, политиков или финансистов – никогда не зависел от их семьи [Менегетти, 2003: 47-48].

Отметим, что перечисленные сдвиги и тенденции являются более или менее глобальными, всеобщими и закономерными. Но сложный, неравномерный в различных странах и субкультурах, противоречивый процесс эмансипации женщины и ее большей социальной востребованности имеет под собой вполне объективные основания. Сегодня человеческие качества, традиционно маркируемые как женские, приобретают большую инструментальную эффективность в сравнении с качествами, традиционно маркируемыми как мужские: «Женское замещает мужское, но это не значит, что один пол занимает место другого по логике структурной инверсии. Замещение женским означает конец определимого представления пола, перевод во взвешенное состояние

закона полового различия» [Бодрийяр, 2000: 32]. Как тут не вспомнить массовое распространение стиля «унисекс» в одежде, в конце прошлого века захлестнувшего не только Европу и Северную Америку, но и другие регионы мира.

В современных условиях традиционные мужские качества (агрессивность, способность к самоутверждению) играют меньшую роль в различных видах социальной деятельности, чем вербальные способности, позволяющие прекрасному полу легче овладевать иностранными языками, быстрее и полнее понимать представителей других наций и культур, использовать свои более развитые вербальные и логические способности. В числе многих исследователей американский писатель и историк Г. Уилс писал о революционном характере изменений в статусе женщины в семейной и общественной жизни: «За последние 40 лет статус женщины изменился так, как он не изменялся за последние четыре столетия. Ни одно изменение не затронуло так глубоко социальную сферу. Изменились отношения жены к мужу, матери и ребенка, женщины к женщинам. Этого достаточно, чтобы считать данный период революционным, высвобождающим ресурсы половины человеческой расы» [Elshtain, 1981: 125].

У. Бек замечает, что сегодня все мы являемся свидетелями метаморфозы общества в рамках модерна и перехода к постмодерну, в ходе которого люди освобождаются от социальных форм индустриального общества – от деления на классы и слои, от традиций, семейных отношений и отношений между полами, точно так же, как в ходе Реформации они освободились от господства церкви и переходили к формам жизни светского общества [Бек, 2000: 106].

Радикально меняется экономическая среда обитания как отдельного человека, так и семьи. Зигмунт Бауман приводит данные, содержащиеся в докладе ООН, посвященном «Программе развития», которые свидетельствуют о радикальном росте потребления за

последние пятьдесят лет. С 1950 года совокупное мировое потребление товаров и услуг выросло более чем в шесть раз [Бауман, 2002: 144]. Основной рост пришелся на страны модерна, наиболее развитые в экономическом отношении. В постиндустриальном обществе семьи становятся все более мобильными и более оснащенными сложной техникой, так что их члены гораздо чаще вступают в отношения обмена с другими людьми. Расширение сектора услуг создает основу для экономической независимости женщин, чего раньше не было.

Мы полагаем, что наличие хорошего образования и профессиональной подготовки женщин создает необходимую базу материальной независимости от мужчины, когда вопрос о создании семьи и о разводе решается только исходя из наличия или отсутствия любовного чувства, но отнюдь не по материальным соображениям. Именно наличие материальной независимости позволяет женщине минимизировать социальные последствия развода. Кроме того, как показали социологические исследования, развод не оказывает негативного воздействия на карьеру женщины, но оказывает такое влияние на карьеру разведенного мужчины.

Если раньше семья существовала на заработок мужа и предоставляла именно ему наибольший комфорт и возможности для отдыха, то теперь муж и жена оба делают карьеру и зарабатывают на существование, поэтому комфорт и удобства брака или домашние обязанности теперь тоже распределяются между мужем и женой более равномерно.

Но несмотря на все перемены в рамках семьи и семейных отношений благами новых возможностей и технологий, предоставляемых новой постиндустриальной экономикой, смогут воспользоваться как традиционные (гетеросексуальные), так и авангардные (гомосексуальные) семьи, так называемые неполные семьи с одним родителем и т.д.

Певец новых технологий и вдумчивый социолог, рассматривающий последствия этих изменений в отношении социума вообще и семьи в частности, Э. Тоффлер, говорит о том, что позволяя большому числу людей работать дома (или в близлежащих центрах занятости), новые технологии могли бы способствовать более теплой атмосфере в семье [Тоффлер, 1999: 588]. Еще раз подчеркнем – любому типу семьи, как уже сформировавшемуся, так и находящемуся на стадии инновации, семьи, стереотипизация которой сегодня лишь вероятностна.

Еще в 60-е годы XX века семья, брак и профессия как соединение жизненных планов, положений и биографий были во многом обязательны. Теперь же по всем позициям выявились возможности выбора. Уже нет ясности, вступает ли человек в брак и когда он это делает, живут ли люди вместе, не вступая в брак, или не живут вместе, состоя в браке, зачинают ли и воспитывают ребенка в семье или вне семьи, с тем, с кем вместе живут, или с тем, кого любят, но кто живет с другой женщиной, до или после профессиональной карьеры или в разгар ее. Как все это краткосрочно, долгосрочно или временно увязывается с принуждениями или амбициями обеспечения, карьеры, профессиональной деятельности всех участников.

Подобные планы и договоренности в принципе расторгимы, а тем самым, что касается более или менее неравных нагрузок, которые в них содержатся, зависят от легитимации. Это можно истолковать как разъединение и расчленение элементов жизни и поведения, сосредоточенных (некогда) в семье и браке. В итоге становится все труднее сопрягать понятие и реальность [Бек, 2000: 149].

Подытоживая сказанное, мы бы хотели поддержать позицию научного сотрудника Национального института демографических исследований (INEDX, Франция) П. Фести, который полагает, что упадок института брака не является ни следствием моды, ни даже результатом неблагоприятной экономической конъюнктуры. Он не

зависит от изменения законов о браке и разводе. В его основе лежат глубокие и долговременные тенденции, которые должны привести к изменению отношений между полами и между родителями и детьми.

В то же время заметим, что сложный макросоциальный процесс эмансипации также может быть подвергнут критике. Так, автор книги «Сексуальные маски» американский философ и культуролог Камилла Палья пишет о том, что все великое в западной культуре возникло в борьбе с природой, Запад, а не Восток сумел увидеть пугающую брутальность природного процесса, оскорбление, бросаемое разуму тяжелым, слепым ворочанием природы.

В отказе от себя, от индивидуализированного «я» мы не Бога обнаруживаем, а изначальную убогость. Это откровение явилось западному мужскому началу, не пожелавшему подчиниться ритмическим приливам бытия, затягивавшим его в лоно океанической матери. Его отталкиванию от этих потоков обязаны мы грандиозными свершениями нашей культуры. Аполлонический принцип, в его холодной абсолютности, – мужская четкая линия, проведенная в ограждение от бесчеловечной громады женщины – природы [Парамонов, 1999: 236].

Мы полагаем, что вектор развития современной семьи направлен на ограничение диктата сильного пола, деконструкцию иерархических отношений в ее рамках, переход от властных вербальных и невербальных монологов «большака», как называли главу семьи в патриархальных семьях, к диалогу всех со всеми.

Семья как взаимовыгодное партнерство равных участников, поддерживающих партнерство до тех пор, пока это поддержание способствует личностному, в том числе профессиональному/карьерному росту. В общих чертах можно говорить о переходе от «социально-страховой» к эгалитарной достижительной семье. Но если человек сможет также успешно развиваться как личность вне рамок семьи, то это сделает ее лишь одной из форм человеческого общежития, симптомы этого процесса

мы и наблюдаем сейчас. Именно на этом основываются многочисленные заявления о кризисе современной нуклеарной семьи.

- [1] Elshstain, J.V. 1981. *Public man, private woman*. – Oxford.
- [2] Антонов, А.И. 2005. *Микросоциология семьи*. М.: ИНФРА-М.
- [3] Арьес, Ф. 1999. *Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке* / Пер. с франц. Я.Ю. Старцева при уч. В.А. Бабинцева. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та
- [4] Бауман, З. 2002. *Индивидуализированное общество* / Пер с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002.
- [5] Бек, У. 2000. *Общество риска. На пути к другому модерну* / Пер. с нем. Б. Сидельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс–Традиция.
- [6] Берк, Э. 1992. *Размышления о революции во Франции и о прениях в некоторых лондонских обществах касательно сего события, содержащиеся в письме, предполагавшемся быть отправленным некоему благородному господину в Париж* / Пер. с англ. С. Вакслер, под ред. А. Бабича. London: Overseas Publications Interchange Ltd.
- [7] Бодрийяр, Ж. 2000. *Соблазн* / Пер. с фр. А. Гараджа. М.: Ad Marginem.
- [8] Коатс, Д. 2000. *Будущее семьи*. in: Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи. Антология современной классической прогностики. 1952–1999. Ред.-сост. и автор предисловия академик РАО И.В. Бестужев-Лада. М.: Academia.
- [9] Кон, И.С. 2001. *Маскулинность как история*, in: Гендерные проблемы в общественных науках / Отв. ред. И.М. Семашко. М.: Институт этнологии и антропологии РАН.
- [10] Лауретис, де Т. 2001. *Американский Фрейд*, in: Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С.В. Жеребкина. – Харьков: ХЦГИ.
- [11] Ленин, В.И., *Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма)*, in: Ленин В.И. Полн. собр. соч., изд. 5. Т.26. М.: Политиздат.
- [12] Леонтьев, К.Н. 1996. *Византизм и славянство*, in: Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891)/ Сост. и коммент. Г.Б. Кремнева; Вступ. ст. и коммент. В.И. Косика. М.: Республика.

- [13] Летов, О.В., Стронгк, К. 2000. *Этические вопросы репродуктивной медицины: новые концепции*, in: Философия: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отдел философии. М.: РАН. ИНИОН/
- [14] Майроф, Б. 2000. *Лики демократии. Американские лидеры: герои, аристократы, диссиденты, демократы*: Пер. с англ. М.: Весь Мир.
- [15] Менегетти, А. 2003. *Женщина третьего тысячелетия*: Пер. с итальянского. М.: ННБФ «Онтопсихология».
- [16] Парамонов, Б.М. 1999. *Воительница*, in: Конец стиля. М.: Аграф, СПб.: Алетейя.
- [17] Парсонс, Т. 2002. *К общей теории действия. Теоретические основания социальных наук. Часть 2. Ценности, мотивации и системы действия // О структуре социального действия / Пер. с англ. В.Ф. Чесноковой; Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Академический Проект.*
- [18] Сокулер, З.А. 2001. Фести, П. *Упадок института брака?*, in: Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. М. № 4.
- [19] Сокулер, З.А. 2003. *Социальное и географическое пространства в концепции П. Бурдьё: (Научно-аналитический обзор)*, in: Социальное пространство: Междисциплинарные исследования: Реферативный сборник / РАН. ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел социологии и социальной психологии. Отв. ред. Гирко Л.В. М.: ИНИОН.
- [20] Токвиль, А. 2000. *де. Демократия в Америке: Пер. с франц. / Предисл. Гарольда Дж. Ласки. М.: Весь Мир.*
- [21] Тоффлер, Э. 1999. *Третья волна: Пер. с англ. / Науч. ред. П.С. Гуревич. М.: АСТ.*
- [22] Фести, П. 2001. *Упадок института брака? // Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. М., № 4.*
- [23] Фромм, Э. 1998. *Бегство от свободы // Догмат о Христе / Сост. и авт. предисл. П.С. Гуревич. М.: Олимп, АСТ-ЛТД*
- [24] Фромм, Э. 1998. *Мужчина и женщина // Мужчина и женщина / Пер. с нем. Т.В. Банкетовоу, С.В. Карпушиной; Сост.: П.С. Гуревич, С.Я. Левит. М.: АСТ.*
- [25] Фуко, М. 1997. *История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга,*
- [26] Фуко, М. 1999. *Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова. М.: Ad Marginem.*

- [27] Чернова, И.И. 2001. *Тенденции развития гендерных процессов на пороге XXI века (опыт сравнительных исследований России и Канады)*, in: Гендерные проблемы в общественных науках / Отв. ред. И.М. Семашко. М.: Институт этнологии и антропологии РАН.
- [28] Шибарина, Е.М. 1989. *Феминизм как одно из идеологических направлений международного женского движения*, in: Женщины в современном мире. М.: Наука.
- [29] Шубарт, В. 2000. *Европа и душа Востока* / Пер. с нем. З.Г. Антипенко и М.В. Назарова. М.: Русская идея: Альманах (Вып. 3, 2-е, исправленное издание).
- [30] Эйзенштадт, Ш. 1999. *Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций*, Пер. с англ. А.В. Гордона; Под ред. Б.С. Ерасова. М.: Аспект Пресс.
- [31] Эллиот, П., Менделл, Н. 2001. *Теории феминизма*, in: Введение в гендерные исследования: Хрестоматия. Ч.II / Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя.
- [32] Энгельс, Ф. *Развитие социализма от утопии к науке*, in: К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч., изд. 2. Т.19. М.: Политиздат.
- [33] Юнг, К. 1997. *Концепция коллективного бессознательного*, in: Юнг Карл Густав, фон Франц М.-Л., Хендерсон Дж. Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы / Под общ. редакцией С.Н. Сиренко. М.: Серебряные нити.